

**АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ КАМПАНИЯ У СТАРООБРЯДЦЕВ БУРЯТИИ В 1920-Е ГГ.:
МЕТОДЫ РЕАЛИЗАЦИИ**

Статья подготовлена в рамках государственного задания
(проект XII.191.1.1. «Трансграничные России, Монголии и Китая: история, культура,
современное общество», № АААА-А17-117021310269-9)

Целенаправленная борьба с религией стала одним из важнейших направлений в идеологии советской страны 1920-х гг. Для старообрядцев, проживающих с 1760-х гг. в поселениях по р. Селенге (близ г. Верхнеудинска), это означало продолжение конфликтной ситуации в общении и взаимодействии с действующей властью. В работе рассматриваются методы борьбы советской власти со старообрядческой религией в 1920-е гг. Целью исследования является попытка изучения антирелигиозной кампании в поселениях семейских Бурят-Монгольской АССР. Автор работы пытается дополнить представления об образе жизни и быте, отношении к власти старообрядчества в переломный период ранней советской власти. Объектом исследования является старообрядческое население Бурят-Монгольской АССР, предметом – религиозная и культурная политика советской власти. В работе показывается, что так как в долгосрочном планировании большевиков стояло не избавление от раскола в православной церкви (как раньше), а полное вытеснение религиозного мировоззрения у населения, то и методы достижения цели (очернение репутации уставщиков, во многом тождественное с практиками работы с другими вероисповеданиями, продвижение среди семейской молодежи идеи о том, что религия – главная причина их невежества и несвободы и т. д.) были совершенно иными. В 1920-е гг. (в отличие от следующего десятилетия репрессивной политики) власть в целом осторожно подступалась к религии, ее методы были направлены преимущественно на создание негативного информационного фона и поддержку той части старообрядцев, которые стремились к изменениям в своей жизни.

Ключевые слова: отечественная история, старообрядчество, религиозная идентичность, советская власть, комсомольская организация, атеизация, периодическая печать.

Информация об авторе: Хомяков Сергей Васильевич, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-1318-8906>, кандидат исторических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИМБТ СО РАН), г. Улан-Удэ, Россия.

E-mail: khomyakov777@yandex.ru

Дата поступления статьи: 07.08.2020.

Для цитирования: Хомяков С.В. Антирелигиозная кампания у старообрядцев Бурятии в 1920-е гг.: методы реализации // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 3. С. 68-73. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-68-73>.

Sergey V. Khomyakov

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies

**CAMPAIGN AGAINST THE OLD BELIEVERS' RELIGION IN BURYATIA IN THE 1920S:
IMPLEMENTATION METHODS**

The research was carried out within the state assignment of FASO Russia
(project XII.191.1.1. "The transboundary spaces of Russia, Mongolia and China:
history, culture, contemporary society", No. АААА-А17-117021310269-9)

Purposeful struggle against religion became one of the most important directions in the ideology of the Soviet country in the 1920s. For Old Believers, who had been living in settlements along the Selenga River (near the City of Verkhneudinsk) since the 1760s, this meant a continuation of the conflict situation in communication and interaction with the contemporary government. The Old Believers, who for decades had been trying to preserve the specifics of the old Orthodox religion, fulfilled the entire list of economic and military duties, but resisted the decisions of the tsarist administration to eliminate the schism (sealing chapels, monitoring the activities of preceptors, conversion in coreligionism etc.). The Soviet power, established in the 1920s in Buryatia, demonstrated continuity in the perception of the Old Believer religion as a problem. Hence, the article sets a task of characterisation of the methods of the struggle of the Soviet government against the Old Believer religion in the 1920s. The goal of the research is an attempt to study the anti-religious campaign of the Bolsheviks in the settlements of the Old Believers of the Buryat-Mongol autonomous Soviet Socialist Republic, which can complete the ideas about their way of life, the attitude to the authorities in the turning point of the early Soviet power. The object of the study is the Old Believers' population of the Buryat-Mongol ASSR, the subject is the religious and cultural policy of the Soviet power. In the long-term planning of the Bolsheviks was the complete suppression of the religious worldview among the population rather than elimination of the schism in the Orthodox Church (as before), hence the methods of achieving the goal were completely different – defamation of character of the preceptors, in many ways identical with the practices of working with other religions, promotion ideas that religion is the main reason for their ignorance and lack of freedom, etc., among the Old Believer youth. In the 1920s (in contrast to the next decade of repressive politics) the authorities approached religion

with caution, their methods were mainly aimed at creating a negative information background and supporting that part of the Old Believers who sought changes in their lives.

Keywords: Russian history, old belief, religious unity, Soviet government, atheism, Komsomol, periodical press.

Information about the author: Sergey V. Khomyakov, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-1318-8906>, Candidate of Historical Sciences, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IMBTS SB RAS), Ulan-Ude, Buryatia autonomy, Russia.

E-mail: khomyakov777@yandex.ru

Article received: August 7, 2020.

For citation: Khomyakov S.V. Campaign against the Old Believers' religion in Buryatia in the 1920s: implementation methods. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 3, pp. 68-73 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-68-73>.

Специфика старообрядческой веры и борьба советской власти с ее влиянием в поселениях Бурят-Монгольской АССР в 1920-е гг. привлекала активный интерес как исследователей советского периода (участников проходивших событий), так и современных ученых. Работы А.М. Селищева, А.М. Поповой, В. Воскобойникова, проводивших полевые исследования в 1920-е гг., дают возможность изучить общую ситуацию в старообрядческих поселениях, а работа А.А. Долотова – обобщить весь спектр методики антирелигиозной работы. В отличие от предшественников практически все современные исследователи старообрядчества Бурятии (Ф.Ф. Болонев, С.В. Бураева, С.В. Васильева и др.) дают негативную оценку действиям советской власти по отношению к религии в этот период, считая их одним из катализаторов упадка традиционной культуры и быта старообрядчества.

Ключевое значение для работы имели материалы периодической печати, касающиеся атеизации населения в 1920-е гг. («Бурят-Монгольская правда»), а также предписания властей, очерки исследователей и обращения старообрядцев, хранящиеся в Государственном архиве Республики Бурятия, Государственном архиве Забайкальского края и Государственном архиве Иркутской области. Они позволили подробно охарактеризовать проводимую политику, достигнув выполнения задач исследования.

Сравнительно-исторический метод, сопоставляющий стороны неодинаковых явлений и выявляющий общие и особенные черты, нашел свое применение при анализе различной методики атеистической кампании у участвующих акторов. Историко-генетический метод, изучающий изменения явления во времени, в частности, использовался для сравнения позиции партийных органов по вопросу о старообрядческом духовенстве в 1920-е и 1930-е гг.

Одним из главных условий прогресса в социальном развитии населения СССР партия большевиков считала формирование гомогенного советского общества, культура отдельных этнических групп в перспективе должна была стать «пролетарской по содержанию и национальной по форме» [Сталин 7: 138], что выражалось в подчеркнутой лояльности к внешнему культурному разнообразию при ус-

ловии строгой идейной однородности. В вопросе отношения к религии происходила обратная ситуация, внешние ее проявления (обрядовая жизнь по церковным правилам, поклонение мощам святых, крестные ходы и т. д.), в отличие от общего религиозного мировоззрения, становились препятствием для решения задачи, вследствие чего борьба с вероучениями с 1920-х гг. являлась одним из важнейших элементов внутренней политики.

Старообрядцы (забайкальский этноним – «семейские»¹) появились в местностях вокруг г. Верхнеудинска с 1760-х гг. Ф.Ф. Болонев говорит об этом событии как об одном из этапов их выгонки с восточных областей Речи Посполитой: «Их селили на Барабе, Алтае, в верховьях Иртыша, по его притокам и в Забайкалье, в Селенгинской Даурии по притокам р. Селенги. Эти группы старообрядцев, выведенных из Польши в 1764 году, гнали в Сибирь по маршруту: Буг, Винница, Горохов, Межибеж, Бох, Бердичев, Стародубье, Ветка, Гомель, Калуга, Казань, Тобольск, Бараба, Алтай, Забайкалье. Их вели в Сибирь партиями по 150–200 человек в каждой, вместе с женами и детьми. Всего их сюда следовало 22 партии общим числом около 4 000 человек» [Болонев: 6]. Сельский образ жизни был обусловлен тем, что во всех местностях «...исключительное занятие семейского – земледелие» [Селищев: 8].

Старообрядческая общность и к 1920-м гг. была прежде всего религиозной идентичностью, поэтому удар по древлеправославной вере неизбежно привел к ускорению темпов вырождения традиционного быта и культуры (что начало проследиваться еще с 1900–1910-х гг.). Местная власть видела в этих процессах закономерность, считая, что отмирают только ненужные самим старообрядцам особенности старой жизни. Однако современная массовая тенденция восстановления церквей и часовен, а также позитивной памяти о защитниках вероучения (и, как следствие, воссоздание и ретрансляция культуры в старообрядческих поселениях Бурятии) говорит о понимании потомками процессов 1920-х гг. как факта утраты своей самоидентификации (как и понимание неразрывной связи своей религии и культуры), что актуализирует необходимость изучения поворотного для старообрядцев периода начала атеистической кампании в Бурят-Монгольской АССР.

Методы, которыми пользовалась советская власть в борьбе со старообрядческой верой в 1920-е гг., находили свое применение и к остальным вероисповеданиям (ограничение деятельности верующих, а также священников и заменяющих их уставщиков; создание в газетах и журналах образа верующих как невежд, а духовенства – как лентяев, пьяниц, покровителей кулачества; выезды на места актива г. Верхнеудинска с естественнонаучными докладами и лекциями и др.), однако они должны были учитывать и местные особенности (изолированность общин семейских и традиционное понимание власти как инициатора нежелательных внешних вторжений; передающиеся через поколения практики религиозного табуирования, затрудняющие «работу» с населением и т. д.).

Условно их можно разделить на методы республиканской власти (официальные постановления Бурят-Монгольского обкома ВКП (б), актива верхнеудинских предприятий и местных комсомольцев (выезды на места и общение со старообрядцами, работа изб-читален), периодической печати (статьи о пассивном сопротивлении атеизации и оценках личностей представителей духовенства). Кроме того, свое видение в проведении антирелигиозной кампании властям предлагало и научное сообщество. Надо понимать, что все названные методы реализовывались в тесном взаимодействии друг с другом (например, действия власти и актива рабочих и комсомольцев обязательно публиковались в прессе, ученые в работах соотносили свои выводы с идеологическим вектором), мобилизуясь вокруг существующей внутриполитической конъюнктуры.

Метод постепенного ограничения деятельности старообрядческого духовенства и верующих (логично воспринимаемый властью как один из основных) прежде всего был выражен стремлением партийных органов иметь представление о размахе работы на антирелигиозном фронте (подсчет количества верующих в поселениях). Для этого властью была инициирована необходимость в официальной регистрации общин. Старообрядцы же со времен своего появления здесь старались уклониться от включения в какой-либо документальный учет (например, отказывались вести метрические записи родившихся и умерших, ограничиваясь перечислением родных в посемейных списках²), считая это одной из «печатей антихриста»³. Немаловажным моментом здесь был фактор того, что если «...представители сельской или волостной администрации сами были из старообрядцев, то они попросту саботировали мероприятия по сбору данных» [Васильева, Бураева: 24]. Очевидное и ожидаемое игнорирование большинством поселений предложений по регистрации давало повод власти к принятию ограничительных мер, постепенно расширяя их масштаб. «Административное управление СНК неоднократно обращалось к верующим группам с предложением зарегистрироваться в соответ-

ствующих учреждениях, не раз изменяя последние сроки представления списков верующих; несмотря на это, верующие с. Хонхолая, Никольского и Больше-Куналея не зарегистрировались и к последнему сроку 1 марта [1924 г.]. СНК решил закрыть эти общества верующих»⁴.

Конечно, мера закрытия обществ не могла сколько-нибудь повлиять на положение верующих, давно привыкших к своему неофициальному статусу, однако это позволило продемонстрировать попытку завоевания симпатий семейских (решение вопроса мирно, но на своих условиях) и дало возможность поставить незарегистрированные общины вне закона уже по отношению к новой власти. Вполне вероятно, что отказ в регистрации был еще и демонстрацией негативного отношения к «безбожникам», так как известно, что аналогичная практика попыток регистрации общин существовала в начале XX в. и в царской России, некоторые из семейских шли навстречу этому, если выполнялись их требования (например, утверждение своего уставщика): «...просим приход наш регистрировать как самостоятельную общину; разрешить открыть молитвенный дом, нашим уставщиком состоит крестьянин однообщественник Киприан Иванов Федотов»⁵. Учитывая, «...что проживающие в Верхнеудинском уезде старообрядцы, за исключением лишь принадлежащих к Тарбагатайской общине, от объединения в законные общины отказались»⁶, в силу названных причин это событие следует считать скорее исключением из общего правила.

Если в 1920-е гг. местные партийные органы в основном ограничивались отдельными постановлениями в отношении к старообрядчеству, то практические методы борьбы с религией чаще использовались работниками учреждений, заводов и предприятий г. Верхнеудинска (в качестве взятых на себя партийных обязательств по общественной работе). Именно они выезжали в села проводить беседы, читать антирелигиозную литературу, организовывать кружки (для координирования такой работы с семейскими в том числе создавались и научные работы). «Верхний Жирим. Давно наши крестьяне хотели ознакомиться с жизнью Владимира Ильича Ленина и дождались. Приехали шефы – ячейка ГПУ – и устроили ряд бесед о нем. Шефам вынесли благодарность. С их помощью мы надеемся освободиться от старообрядческой церкви»⁷. О целенаправленной политике организации культурного и антирелигиозного шефства говорит практика распределения актива городских рабочих по старообрядческим селам: «Наркомфин. В красном уголке проводятся беседы на темы: “Кооперация”, “1905 год”. Организован шахматный кружок, стенгазета ежемесячная, есть библиотека. Совместно с Бурстрахом и Госбанком ведется шефство над селом Старая Брянь»⁸.

Кроме коллективов рабочих активную позицию занимала комсомольская организация, при-

чем (учитывая недоверие и частую враждебность к чужакам) в избы-читальни, библиотеки, пункты ликвидации неграмотности старались направлять выучившуюся в Верхнеудинске молодежь, родившуюся в старообрядческой среде, а лучше всего в этом же поселении. «В селе Тарбагатай старообрядческое население осознает пользу избы-читальни. Население почти поголовно неграмотное, пропитанное религиозными предрассудками. В 1924–1925 гг. население смотрело на избы-читальню как на ненужную затею. Но потом изба нащупала актив среди комсомола. Изба-читальня завоевала уважение открытием столов-справок, громкой читки газет и книг по сельскому хозяйству, ею была проведена сельскохозяйственная выставка, а также траурный день в память Ленина»⁹. Любое организованное культурное мероприятие автоматически подразумевало и антирелигиозную направленность, например дни памяти Ленина (попытка альтернативы религиозным праздникам Рождества и Пасхи, проводившимся в январе и апреле-мае и примерно совпадающим с датами смерти и рождения Ленина соответственно).

Периодическая печать в 1920-х гг. становится одним из ключевых каналов трансляции населению идеологических установок. С 1923 г. в республике таким каналом воздействия, главным образом, становится «Бурят-Монгольская правда» – партийная газета с постоянно увеличивающимся тиражом и распространением на отдаленные районы. Антирелигиозная пропаганда (учитывая и фактор поликонфессионального региона) с самого появления газеты оказалась одной из важнейших освещаемых тем. Прежде всего, в газете публиковались статьи о проведенных естественнонаучных докладах, посвященных общей критике религиозной картины мира и направленных на население республики в целом¹⁰. Они, в частности, использовались комсомольцами на публичных выступлениях уже в семейских селах.

Однако на «старообрядческое направление» (ввиду трудностей в работе агитаторов) редакцией обращалось особое внимание. Публикуя решения властей (например, об отказе признания религиозных общин старообрядцев) либо статьи о плановых поездках активистов в села, газета популяризировала проводимую кампанию, делала ее известной для населения. Кроме того, редакция брала инициативу в создании своих методов антирелигиозной пропаганды, применявшихся и среди семейских. На основании частных происшествий массово стал создаваться отталкивающий, зачастую карикатурный образ всех священников, уставщиков и начетчиков (в отличие от несколько более вменяемой оценки исследовавших их деятельность ученых). «Большой Куналей. Во время попойки во имя праздника Покрова у молодежи началась драка. Старообрядческий поп Т., вмешавшись с длинным стягом в руках, напал на одного из парней. Так

религиозные попы насаждают просвещение среди деревенской молодежи. Кроме того, поп Т., будучи председателем волуправления, собирал с граждан села местный сбор, в настоящее время с них снова требуют выплаты сбора»¹¹. Пестерево. Местный поп Нифонтов, напившись у крестьянина, дома разогнал семейство. После неудачной попытки догнать дочь бил усердно попадью. Вот пример “достойного” поведения нашего пастыря¹². “Ох, последние времена пришли”, – стонут в Большом Куналее. А темные силы в виде уставщиков шепчут в темные народные уши: “А все оттого, что бога забыли”. Не мешало бы сократить всех этих “пророков” и “агитаторов”»¹³. В итоге это позволяло искусственно разделять крепкую старообрядческую общину на основании «свой – чужой», вытесняя прежние авторитеты на периферию общественной жизни.

Причем и сообщение о рядовом вовлечении в духовную деятельность (без очерняющих случаев) могло стать поводом для критики участия человека в образовательных или культурных практиках «новой жизни». «Станным кажется то обстоятельство, что прошла чистка, но не задела своей метелкой кого следует, а именно: в с. Пестерево есть зав. школой – некто Грачев, быв. протоиерей. А главное, не забывает наш “шкраб”¹⁴ в воскресный денечек в церковь заглянуть, где он является певчим. Невольно напрашивается вопрос, неужели такие “шкрабы” могут повести антирелигиозную пропаганду как в школе, так и среди населения, а также направить работу школы по правильному руслу»¹⁵.

При этом широко использовалась практика публикации заметок с мест внештатными корреспондентами либо простыми обывателями. Это вызывало симпатию к газете, создавало ощущение незримого единства в борьбе с общим врагом. «Новая Брянь. В это время на фронте темноты происходят интересные явления. В среде церковнослужителей разлад, а именно: на рождество уставщики собрались славить Христа, но учитывая, что в деревне появились и неверующие, попы предупредили, что будут заходить к тем, кто будет ждаться у ворот, и в свою компанию не принимали лишних»¹⁶.

Еще одним методом реализации атеистической кампании со стороны газеты стало специфическое освещение тех проблем, с которыми столкнулась агитация в работе с рядовыми старообрядцами. Упорное нежелание отказываться от религии предков (из-за которой они и были сосланы в Забайкалье) в основном преподносилось как упрямство исключительно пожилых людей (в отличие от молодежи, массово поддерживающей все новое) и обязательно связывалось с отказом от медицинского и культурного просвещения (что, безусловно, имело место быть в отдельных случаях). Признавая (по многочисленным отзывам агитаторов) старообрядческие села наиболее «трудными» для успеха атеизации,

стиль таких сообщений в номерах 1920-х гг. был иронично-снисходительным, с упором на подчеркнутую временную темноту и невежество. «В августе в Новой Бряни состоялось объединенное собрание обоих селений, на котором присутствовало граждан обоого пола 354 чел. Обсуждались вопросы о содержании уставщиков, пономарей и прочей дребедени. Наши граждане “семейские” за церковь держатся и представляют попам морочить себя как последним желательным¹⁷. Село Харауз. Старообрядцы, уповая на “господа бога” и надеясь, что он может помочь их беде (пожары), возятся с молебнами и только и делают, что встречают и провожают “святых отцов”¹⁸».

Учитывая основное стремление любой газеты, в том числе и «Бурят-Монгольской правды», к привлечению внимания (в условиях всеобщего распространения идеи атеизма), вполне очевиден ее упор на негативное отношение к старообрядческому духовенству и верующим. Являясь же органом Бурятского бюро ВКП (б), газета (посредством статей с мест) давала возможность власти опосредованно быть сопричастной к радикальной позиции по религиозному вопросу в неофициальном дискурсе, так как эти статьи часто печатались сразу после постановлений, приказов и обращений партии, в которых в 1920-х гг. зачастую демонстрировалась политика умеренности и стремления к договорным отношениям с религией.

Исследователи старообрядцев Бурятии (часто выезжавшие в полевые экспедиции), критикуя в работах древлеправославную веру как основной фактор, тормозящий прогресс в поселениях и предлагая свои методы антирелигиозной борьбы, также становились участниками проводимой кампании. А.М. Попова (побывавшая в Верхнеудинском уезде в 1928 г.), отмечая, что «...уставщики – страшное зло в семейских селах, заставляют своей церковной властью пребывать во мраке и невежестве» [Попова: 28], делала ставку на молодежь, считав, что только точечное культурное строительство объективно приведет к ее постепенному отказу от религии в пользу знаний: «Бороться с такими явлениями можно тогда, когда будет больше школ и культурных учреждений, где молодежь найдет ответы на все запросы» [Попова: 29].

Наиболее же широкий перечень методов борьбы со старообрядческой верой приводит в 1931 г. А.А. Долотов в работе «Старообрядчество в Бурятии» (предложив их использование и далее). Соглашаясь с осторожной политикой местных властей по постепенному отходу населения от веры («...требование немедленного разрыва с религией – самая опасная глупость») [Долотов: 43], автор (в духе социализма) считал, что победу над религией можно одержать сначала экономическими методами, такими как привлечение в колхозы, и технический прогресс. «Окончательно освободиться от религиозной рутины крестьянин может

только в коллективном хозяйстве» [Долотов: 43], а также «...зависимость хозяйства от природы создает у крестьянина иллюзию существования божества» [Долотов: 46]. Учитывая трудности в атеизации именно семейского населения, автор указывает в качестве специальных методов «...разъяснение, что их “старая вера” не есть какая-то особенная, самая старинная и правильная» [Долотов: 49], кроме того, «...насколько и почему нелепа идея об антихристе, что везде его слуги и повсюду его печать» [Долотов: 47], то есть беседы со стариками и школьное обучение молодежи, в том числе посредством изучения газеты «Безбожник»¹⁹ и журналы «Антирелигиозник»²⁰.

Научное сообщество 1920-х гг., в целом пока еще слабо интересовавшееся жизнью семейских, было ожидаемо солидарно с властью по вопросу атеизации местного населения, попутно предлагая в своих работах (учитывая личные наблюдения) действенные методики, которые затем использовались на местах культурными работниками и комсомольским активом.

Исходя из представления об общем взаимодействии и совместном участии в антирелигиозной кампании у старообрядцев партийных структур, периодической печати, комсомола и коллективов рабочих Бурятии, а также научного сообщества 1920-х гг., необходимо отметить разнородность применявшихся методов.

Партийные органы, используя принудительные меры, предъявляли юридические обоснования в ограничении свободы вероисповедания (хотя в отличие от ситуации 1930-х гг. пока что не прибегали к репрессиям духовенства и закрытию церквей, поддерживая в основном религиозную критику в поле научных дискуссий и газетных кампаний). Кроме того (в русле образовательного и медицинского просвещения, а также культурного строительства), власть сделала многое для создания условий проведения досуга в селах и отхода от религиозного сознания неортодоксальных прослоек верующих старообрядцев. Материалы периодической печати, создавая вокруг старообрядческой веры и ее представителей повседневную негативную тенденцию, косвенно способствовали этому же. Грамотные старообрядцы сами могли прочесть статьи и делать определенные выводы, остальные же могли слушать их на громких читках и видеть карикатуры на духовенство (практически всегда изображаемые рядом со статьей), которые, ломая представление о его моральной безупречности, также вызвали разнообразную реакцию.

Исследователи старообрядчества не ограничивались объективным изучением бытования семейских и выдвигали теоретические положения-методики антирелигиозной работы, которые применялись на практике активистами рабочих коллективов и комсомольскими агитаторами. Они же в свою очередь являлись главным фактором ате-

истической кампании в 1920-х гг., так как их непосредственное взаимодействие с населением (беседы, проведение мероприятий, посредничество в общении с органами власти) приносило больший результат, чем газетные статьи и научные работы, которые мало кто из старообрядцев пока что мог изучить и которые чаще использовались как раз опосредованно културботниками.

Примечания

¹ Этноним «семейские» был получен переселившимися старообрядцами от местных жителей Забайкалья, ввиду их прихода сюда большими семьями.

² Подписка старообрядцев Куйтунской волости об отказе вносить записи в метрические книги по религиозным убеждениям. 14 марта 1910 г. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 337. Оп. 2. Д. 1564. Л. 6.

³ «Апокалипсис» Иоанна Богослова был в центре мировоззренческих построений старообрядцев Забайкалья, передававших откровение из поколения в поколение. Отсюда распространенность идеи о приходе антихриста в лице конкретного царя либо советской власти.

⁴ Закрытие религиозных обществ. Бурят-Монгольская правда. 1924. 8 марта. С. 3.

⁵ Прошение тарбагатайских старообрядцев о регистрации прихода как общины и разрешении открыть построенный молитвенный дом. 18 ноября 1907 г. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 4515. Л. 19–19 об.

⁶ Предписание военного губернатора Забайкальской области М.И. Эбелова Верхнеудинскому уезвному начальнику о ведении метрических книг старообрядцами. 12 июня 1909 г. ГАРБ. Ф. 337. Оп. 2. Д. 1564. Л. 15–15 об.

⁷ В Верхнем Жириме. Бурят-Монгольская правда. 1925. 14 фев. С. 4.

⁸ Взятии шефство. Бурят-Монгольская правда. 1926. 20 янв. С. 2.

⁹ Старообрядческое население осознало пользу избы-читальни. Бурят-Монгольская правда. 1926. 18 фев. С. 3.

¹⁰ Доклад в Троицкосавске. Бурят-Монгольская правда. 1923. 4 окт. С. 3.

¹¹ Прodelки старообрядческого попа. Бурят-Монгольская правда. 1923. 27 окт. С. 4.

¹² Достойный пример. Бурят-Монгольская правда. 1927. 10 ноября. С. 4.

¹³ Ждут кончины мира. Бурят-Монгольская правда. 1923. 29 сент. С. 3.

¹⁴ «Шкраб», сокращенно – школьный работник, учитель. Сокращение общеизвестных терминов было распространенным явлением в СССР 1920–1930-х гг.

¹⁵ Богомольный шкраб. Бурят-Монгольская правда. 1924. 10 янв. С. 3.

¹⁶ Из жизни Новой Бряни. Бурят-Монгольская правда. 1924. 30 янв. С. 3.

¹⁷ «Мертвецы». Бурят-Монгольская правда. 1923. 30 сент. С. 3.

¹⁸ Село Харауз. Бурят-Монгольская правда. 1925. 28 июня. С. 4.

¹⁹ Газета «Безбожник» являлась печатным органом Союза воинствующих безбожников и издавалась в СССР с 1922 по 1941-й гг.

²⁰ Журнал «Антирелигиозник» являлся печатным изданием Союза воинствующих безбожников и издавался в СССР с 1926 по 1941-й гг.

Список литературы

Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. Новосибирск: Февраль, 1994. 148 с.

Васильева С.В., Бураева С.В. Метрические книги в старообрядческой среде Забайкалья // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2019. № 1. С. 22–29.

Долотов А.А. Старообрядчество в Бурятии. Верхнеудинск: Бургосиздат, 1931. 52 с.

Попова А.М. Забайкальские старообрядцы // Бурятиеведение. 1928. № 1–2. 38 с.

Селищев А.М. Забайкальские старообрядцы. Иркутск: Изд-во Государственного Иркутского университета, 1920. 81 с.

Сталин И.В. О политических задачах университета народов Востока. Сочинения: в 13 т. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. Т. 7. 419 с.

References

Bolonev F.F. *Staroobryadcy Zabajkal'ja v XVIII-XX vv.* [Old believers of Transbaikalia in the 18th and 20th centuries]. Novosibirsk, Fevral' Publ., 1994, 148 p. (In Russ.)

Vasil'eva S.V., Buraeva S.V. *Metricheskie knigi v staroobryadcheskoj srede Zabajkal'ja* [Metric books in the Old-believers environment of Transbaikalia]. *Vestnik Burjatskogo nauchnogo centra SO RAN* [Bulletin of the Buryat scientific center of the Siberian branch RAS], 2019, № 1, pp. 22–29. (In Russ.)

Dolotov A.A. *Staroobryadchestvo v Burjatii* [Old believers in Buryatia]. Verkhneudinsk, Burgosizdat Publ., 1931, 52 p. (In Russ.)

Popova A.M. *Zabajkal'skie staroobryadcy* [Trans-Baikal Old believers]. *Burjatievedenie* [Buryat studies], 1928, № 1–2, 38 p. (In Russ.)

Selishhev A.M. *Zabajkal'skie staroobryadcy* [Trans-Baikal Old believers]. Irkutsk, Izd-vo Gosudarstvennogo Irkutskogo universiteta Publ., 1920, 81 p. (In Russ.)

Stalin I.V. *O politicheskikh zadachah universiteta narodov Vostoka* [About the political tasks of the University of the peoples of the East]. *Sochinenija: v 13 t.* [Essays: in 13 vols.]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1952, vol. 7, 419 p. (In Russ.)